

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-17>

УДК 316.4

Attribution

cc by

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК МИРОВОЙ ПРОЦЕСС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. На основе анализа концептуальных подходов отечественных и зарубежных исследователей предпринята попытка теоретико-методологического осмысления процессов современной глобализации. Обосновано, что в силу объективных факторов глобальные вызовы затронули все сферы общественной жизни в различных социальных системах, а культурное и цивилизационное развитие оказались включёнными в динамику ускоряющейся и многомерной глобализации. Установлено, что культурно-коммуникативный компонент выступает в качестве системообразующего элемента глобализационных процессов, поскольку именно культурная и коммуникативная глобализация создают условия для трансформации и глобализации в иных сферах общественного бытия. Ее культурно-коммуникативное измерение играет ключевую роль в формировании новых форм социальной интеграции и взаимодействия, одновременно порождая риски утраты локальной идентичности и роста культурных асимметрий. Показано, что глобализация предстает как сложный, многоплановый и противоречивый процесс, оказывающий существенное влияние на трансформацию социального пространства, ценностных систем и механизмов взаимодействия между культурами.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, интеграция, культурные универсалии, глобальная общность, глобализм, модернизация, вестернизация, межкультурная коммуникация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

GLOBALIZATION AS A GLOBAL PROCESS: A THEORETICAL ANALYSIS

Emir N. Tuzhba, Yulia V. Pupkova

Kuban State Technological University

Abstract. Based on the analysis of conceptual approaches of domestic and foreign researchers, an attempt is made to theoretically and methodologically understand the processes of modern globalization. It is substantiated that due to objective factors, global challenges have affected all spheres of public life in various social systems, and cultural and civilizational development have been included in the dynamics of accelerating and multidimensional globalization. It is established that the cultural and communicative component acts as a system-forming element of globalization processes, since it is cultural and communicative globalization that create conditions for transformation and globalization in other spheres of social existence. Its cultural and communicative dimension plays a key role in the formation of new forms of social integration and interaction, simultaneously giving rise to the risks of loss of local identity and growth of cultural asymmetries. It is shown that globalization appears as a complex, multifaceted and contradictory process that has a significant impact on the transformation of social space, value systems and mechanisms of interaction between cultures.

Key words: globalization, glocalization, integration, cultural universals, global community, globalism, modernization, Westernization, intercultural communication.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность исследования обусловлена тем, что глобализация выступает одной из ключевых категорий современного научного дискурса, охватывающей как эмпирические трансформации мирового порядка, так и теоретические интерпретации социальных изменений. В условиях усиливающейся взаимозависимости стран и народов, данное явление приобретает особую значимость для анализа процессов культурной, политической и экономической динамики. При этом неоднозначность трактовки глобализации - от ее понимания как фактора демократизации и межкультурной интеграции до критики как инструмента неокolonиальной гегемонии - указывает на необходимость комплексного и критического подхода к её изучению в рамках социогуманитарного знания.

Результаты. Обсуждение.

Американский историк Р. Стил подчеркивает трансформационный потенциал американской культуры и политических институтов, которые, по его мнению, вытесняют альтернативные системы и модели общественного устройства, распространяя влияние гомогенизирующей культурной индустрии, в частности, продуктов массовой культуры, таких как «Макдоналдс» и «Голливуд» [1]. Эта экспансия, по его мнению, обладает не только экономическим, но и цивилизационно-переопределяющим эффектом, подрывая локальные идентичности и ценностные основания других обществ.

Отдельную категорию интерпретаций составляют теории, связывающие глобализацию с феноменом «реванша кочевников» - метафорой, обозначаю-

щей разрушение устойчивых форм социокультурной укорененности, локальной идентичности и традиционного образа жизни. В этом контексте, глобализация предстает как пространственно неограниченный и мобильный социальный порядок, в котором эталонной фигурой становится космополитическая элита, свободно перемещающаяся между странами и культурами, но утратившая связь с собственной культурной традицией.

С точки зрения социологического анализа, происхождение глобализации обычно связывается с эволюцией капитализма и сопровождающими его модернизационными процессами. Представители экономической науки акцентируют внимание на трансграничных потоках капитала и рабочей силы. Политологический дискурс, в свою очередь, акцентирует изменяющийся характер международных отношений, в которых наряду с национальными государствами активную роль играют наднациональные структуры - ВТО, ООН, СНГ, ЕЭС, НАТО и др.

Несмотря на множественность подходов, значительное число исследователей сходится во мнении, что современный этап глобализации характеризуется формированием планетарных форм социальной интеграции, ведущих к появлению новой социальной реальности - условно обозначаемой как «глобальное общество» или «планетарная цивилизация». Вместе с тем, сама сущность глобализации как исторического феномена остаётся предметом дискуссий. Существуют расхождения не только в оценке её природы, но и в определении хронологических границ: одни авторы связывают начало глобализационных процессов с эпохой Великих географических открытий, другие - с промышленной революцией, третьи - с неолитом, интерпретируя глобализацию как логическое продолжение эволюции человеческой коммуникации и взаимодействия.

Так, Ю.В. Яковец утверждает, что глобализация - это не новейшее явление, а результат длительной исторической эволюции междивизиационных связей, достигших особой интенсивности во второй половине XX века. Современный этап, по его мнению, отличается не только масштабностью, но и системностью процессов, затрагивающих все сферы общественной жизни.

Яковец выделяет ряд ключевых факторов, определяющих современную глобализацию:

- технологическую интеграцию (глобализацию техносферы);
- экономическую взаимозависимость при сохранении национальной специфики;
- геополитическое соперничество между многополярной и монополярной (атлантистской) моделью;
- социокультурные трансформации и демографо-экологические вызовы [2, с. 7; 132].

Последние, по его мнению, требуют согласованных международных усилий в рамках устойчивого

развития и демографической стабилизации на уровне 10–11 миллиардов человек к концу XXI века.

Демографическая динамика, в том числе рост населения в XX веке, вновь актуализировала концепцию Т. Мальтуса о рисках перенаселения. Однако современная социология подчёркивает, что процессы урбанизации и изменения социальных структур оказывают естественное сдерживающее влияние на рождаемость, и демографический рост в условиях зрелой модернизации носит не экспоненциальный, а стабилизирующий характер. Человечество, как элемент экосистемы, не может бесконечно воспроизводиться вне зависимости от социальных и биологических ограничений.

В условиях глобализации трансформируются также представления об идентичности. Несмотря на сохраняющиеся государственные границы, усиливается чувство принадлежности не только к локальному, но и к глобальному сообществу. Перемещения людей, трансграничные коммуникации, доступность образования и цифровой информации создают новую форму социальной мобильности и одновременно - новые вызовы для сохранения культурного многообразия. Изменения затрагивают привычные формы жизни, ценностные ориентиры, устоявшиеся институциональные порядки.

Существенным аспектом глобализации является трансформация экономических и информационных механизмов. М.Г. Делягин, анализируя специфику глобализации, подчёркивает ее зависимость от новых компьютерных технологий и определяет ее как формирование единого финансово-экономического пространства [3, с. 51].

В отличие от процессов интеграции, глобализация, по его мнению, представляет собой качественно новый, высший этап социально-экономического взаимодействия. Эта трактовка вступает в полемику с подходом Ю.В. Яковца, рассматривающего глобализацию в логике исторической преемственности.

А.В. Дмитриев предлагает более широкую концептуализацию глобализации как процесса, имеющего глубокие исторические корни и представляющего собой форму реализации генетического единства человечества. Он интерпретирует глобализацию как развитие универсальных форм межкультурного и междивизиационного взаимодействия, берущих своё начало в доисторические периоды, но обретших современную институциональную и технологическую форму в последние десятилетия [4, с. 80].

Таким образом, современная социологическая мысль акцентирует множественность интерпретаций глобализации как многомерного феномена, включающего в себя экономические, политические, социокультурные и демографические измерения, каждая из которых требует специфического аналитического инструментария. Глобализация, несмотря на различия в трактовках, выступает как ключевая категория анализа трансформаций современного мира.

Согласно наблюдениям С.Л. Удовика, существует содержательная параллель между финансово-

экономическими процессами начала XX века и современными формами глобализации. Под последней автор понимает возрастание экономической взаимозависимости государств, обусловленной увеличением объемов и разнообразия трансграничных трансакций, усилением международных потоков капитала и услуг, а также распространением передовых технологий. Подобные процессы, прерванные мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., уже наблюдались в первой трети XX века [5, с. 206].

Анализируя феномен глобализации, Удовик подчеркивает его качественно новые черты, связанные с масштабами и глубиной воздействия на человечество. Им выделяется десять аспектов глобализационного процесса, сгруппированных в четыре обобщённые сферы:

- финансово-экономическая глобализация, проявляющаяся в интеграции финансовых рынков, распространении валютно-налоговых спекулятивных практик и экспансии транснациональных корпораций;
- технологическая глобализация, выражающаяся в цифровизации, распространении высокотехнологичной продукции, а также развитии глобальных систем контроля и слежения;
- политическая и военная глобализация, осуществляемая в условиях доминирующего положения Соединённых Штатов;
- культурная глобализация, характеризующаяся стандартизацией массовой культуры, укреплением позиций английского языка как глобального коммуникативного средства благодаря медиапространству и интернету, а также универсализацией западных ценностей (свободы, индивидуализма, прав человека) и расширением манипулятивных технологий воздействия на общественное сознание [5, с. 206–288].

По мнению Т.А. Алексеевой, современное употребление понятия «глобализация» замещает более раннюю концепцию «универсализации». Так, экспансия христианства, капитализма и демократии в истории Запада представляется ей как форма универсализации. Этот подход, как отмечено в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, отражает трансформацию множества свобод в одну – свободу торговли [6, с. 11].

В.Г. Федотова трактует глобализацию как продукт модернизационного процесса, полагая, что прекращение модернизации автоматически ведет к затуханию глобализационных тенденций. В исторической ретроспективе она указывает на глобализацию XIX века, обусловленную развитием свободной торговли и доминированием Великобритании, которая, однако, столкнулась с серьёзными системными барьерами – в виде фашизма, коммунизма и национализма, приведшими к временному прерыванию глобализационного импульса [7, с. 192].

На основе анализа исторических этапов модернизационного развития В. Федотова выделяет следующие стадии:

- эпоху меркантилизма, становления мировой торговли и колонизации;

- фазу утверждения капиталистических отношений и буржуазных революций;
- период раннего индустриализма и доминирования промышленно развитого Запада;
- этап после второй промышленной революции, ознаменовавшийся диффузией производственных процессов и переносом индустриальных отраслей в незападные регионы;
- период научно-технической революции, начавшийся в середине XX века и связанный с применением универсализированных форм фундаментального научного знания [8, с. 231–233].

Сходные идеи относительно природы глобализации прослеживаются и в западной мысли. Так, еще в первой трети XX века, до институционализации глобализационной проблематики в научной повестке, Х. Ортега-и-Гассет отмечал экспансию пространственных и ментальных границ повседневного опыта человека. Современный индивид оказывается вовлечённым в глобальный контекст, где события, происходящие в удаленных географических точках, становятся частью его жизненного мира. Эта «вездесущность» локального пространства обусловлена новыми формами медиации и коммуникации, изменившими представление о пространстве и времени, а также расширившими горизонты индивидуального сознания [9, с. 130].

С момента, когда были произнесены приведённые выше размышления, прошёл почти век. За это время произошли радикальные изменения в характере социального взаимодействия и культурной коммуникации, что ранее для Х. Ортеги-и-Гассета представлялось предметом философского анализа, ныне стало эмпирической реальностью для большинства населения планеты. Распространение мобильной связи, Интернета, телевидения, глобальной сети воздушного транспорта и других технологических новаций объективно способствовало все более глубокой вовлечённости индивидов в процессы глобализации. Эти процессы сопровождаются формированием новых структур межкультурных взаимодействий, в рамках которых национальные (традиционные) культуры неявно адаптируются к универсализирующимся культурным стандартам, нередко - без осознания со стороны социальных акторов.

Согласно позиции канадского исследователя М. Маклюэна, ключевым детерминантом трансформации социальной организации выступает смена технологических укладов, что влечёт за собой изменения в способах коммуникации. Так, доминирование устной традиции до появления письменности способствовало формированию коллективного, интуитивного и интегрального восприятия реальности. Введение печатного станка, напротив, вызвало акцент на визуальное и линейное восприятие мира, способствовавшее индивидуализации познания и отчуждению субъекта от традиционного коллективного сознания. Этот переход означал собой начало фрагментации общества.

Революция в сфере технологий XX века, связанная с распространением электричества и возникновением электронных средств массовой коммуникации, трансформировала саму категорию пространства и времени. Она способствовала формированию условий для восстановления глобального диалога человечества, в результате чего, по М. Маклюэну, современный мир приобрел черты «глобальной деревни». Возвращение к некой «племенной» модели восприятия, с его точки зрения, означает восстановление чувства общности и принадлежности к коллективу [10, с. 13–17].

Современные интерпретации глобализации предполагают более комплексное и критическое осмысление феномена. Так, У. Бек разграничивает понятия «глобализм», «глобальность» и «глобализация». Под глобализмом он понимает идеологическое обоснование неолиберального порядка, ориентированного на доминирование мирового рынка. Глобализация же, согласно Беку, представляет собой совокупность процессов, способствующих возникновению глобальности как новой реальности, при которой национальные государства утрачивают монополию на суверенитет, становясь частью транснациональных сетей власти и идентичности. Под глобальностью автор подразумевает состояние мира, в котором прежние представления о замкнутых и изолированных пространствах утрачивают актуальность.

Среди последствий глобализации Бек выделяет:

- увеличение плотности и масштабов транснациональных взаимодействий в торговле и финансах;
- усиливающуюся мощь транснациональных корпораций; информационно-коммуникационную революцию;
- глобальное распространение дискурса прав человека;
- визуальную экспансию индустриальной культуры;
- политическую полицентричность, при которой государственные и негосударственные акторы взаимодействуют на равных;
- нарастание проблем глобальной бедности; экологические угрозы; транскультурные конфликты в локальных сообществах [11, с. 21–29].

Бек трактует глобальность как конститутивный признак современной эпохи, отличающей ее от предшествующих исторических периодов. Глобальность в этом контексте не предполагает нормативного утверждения глобалистской идеологии, а рассматривается как эмпирически наблюдаемое состояние мира.

Э. Гидденс предлагает более нейтральное определение глобализации, трактуя ее как «интенсификацию всемирных социальных связей, при которой события, происходящие в одном регионе, оказывают влияние на процессы в других, часто весьма удаленных частях мира» [12, с. 75]. По его мнению, глобализация - это многомерный и междисциплинарный процесс, охватывающий все сферы общественного бытия:

от экономики и технологий до культуры, идентичности, политических институтов и коммуникационных практик.

Согласно концептуализации Р. Робертсона, глобализация предстает как дуалистический процесс, объединяющий в себе как субъективное восприятие мира в качестве единого целого, так и объективное «сжатие» мирового пространства. Под последним понимается, с одной стороны, интенсификация военно-политических и торгово-экономических взаимосвязей между государствами, вовлеченными в глобальную социальную систему, а с другой – феноменологическое сжатие, выражающееся в возрастающем влиянии глобальных ориентиров на поведенческие модели, установки и предпочтения индивидов, выходящих за пределы локальной и этнокультурной идентичности и ориентирующихся на глобальный контекст. Робертсон интерпретирует процесс становления современности как первую волну глобализации, обусловленную формированием капиталистической системы и сопровождающуюся переходом от локального бытия к всеобъемлющему мировому взаимодействию, внутри которого он выделяет ряд этапов [13, с. 8; 58–59]).

Историко-социологический подход к анализу глобализации представляется в трудах И. Валлерстайна, который акцентирует внимание на развитии мировой системы в перспективе. В качестве базовой аналитической единицы он рассматривает не отдельные общества, а глобальную социальную систему, формирование которой он связывает с экспансией мировой торговли начиная с XVI века. В отличие от локалистских подходов, Валлерстайн подчеркивает, что внутренние трансформации отдельных обществ вторичны по отношению к структурной логике всей мировой системы. Последняя функционирует как самодостаточный макросоциальный организм, внутри которого международное разделение труда обеспечивает устойчивость и целостность, а культурное многообразие включено в рамки системного единства как совокупность символических миров, конструирующих глобальную социальную реальность [14].

Р. Штихве предлагает институциональный анализ процессов глобализации, выдвигая три ключевых инновации, ставших основой формирования мирового общества.

Во-первых, это функциональная дифференциация, аналогичная глобальному разделению труда, о котором писал И. Валлерстайн.

Во-вторых, возникновение транснациональных мобильных структур, действующих за пределами отдельных государств – от иезуитских миссий XVII века до современных неправительственных международных организаций.

И, наконец, в-третьих, развитие коммуникативных технологий, способствующих выходу культурных сообществ за рамки локальности (от книгопечатания до интернета и глобального телевидения) [15, с. 67–77].

Таким образом, рассмотренные выше подходы позволяют выделить концептуальное ядро феномена глобализации, опираясь на которое возможно теоретико-методологическое осмысление ее воздействия на различные социальные системы. При этом, если интерпретировать глобализацию преимущественно как процесс расширения рынков, диффузии технологий и капиталовложений, то наблюдается значительная преемственность с ранними формами транснациональных взаимодействий, начиная с эпохи Нового времени. Однако современная стадия глобализации принципиально отличается качественным своеобразием: она характеризуется усилением влияния наднациональных и сетевых структур, ускорением процессов культурной стандартизации и формированием единого символического пространства.

Большинство исследователей подчеркивают многомерный характер глобализации, охватывающей политические, экономические, технологические, культурные и коммуникативные сферы. В стремлении к комплексному анализу современной глобализации акцент всё чаще делается на изучении исторической динамики общественных отношений, а также трансформации культуры как ключевого элемента глобализирующегося мира. Глобализация и культура рассматриваются как взаимосвязанные явления: первая включает локальные культуры в глобальные процессы, вторая преломляет глобальные влияния в повседневных практиках и идентичностях.

В условиях стремительного развития средств массовой коммуникации в течение последнего столетия наблюдается формирование феномена глобальной массовой культуры – системы смыслов, знаков и ценностей, циркулирующих в мировом символическом пространстве. Этот процесс сопровождается тем, что, по выражению Ж. Бодрийяра, реальность утрачивает свою онтологическую устойчивость, уступая место симулякрам – знакам, замещающим и трансцендирующим саму действительность. В этой связи, медиа-пространство выступает в роли экрана жизненного мира современного человека, на котором разворачивается новая реальность, основанная на семиотической избыточности и отрыве символического от реального.

Культурно-коммуникативная составляющая представляет собой один из ключевых системообразующих факторов глобализационных процессов. Для установления устойчивых политических, экономических и технологических взаимодействий между странами необходима развитая система межкультурной

коммуникации, обеспечивающая как минимум возможность артикуляции позиций и взаимного понимания. Отсутствие таких каналов делает невозможным полноценный межгосударственный и межкультурный обмен.

Регулярность и устойчивость глобальных взаимодействий предполагают не только наличие технических каналов коммуникации, но и определённую степень культурной общности, включающей, прежде всего, знание общего языка (или системы переводов), а также наличие базового набора разделяемых ценностей, символов и поведенческих норм. Эта общность не обязательно означает полное совпадение культурных кодов, но требует хотя бы минимального уровня интересубъективного взаимопонимания.

Ещё в начале XX века В. Зомбарт указывал на социокультурные последствия международной торговли, подчеркивая ее роль в формировании рационального образа жизни: «Всякая торговля, которая ведет далеко за пределы отчизны в чужие страны, воспитывает рациональный взгляд на жизнь и рациональный образ жизни, поскольку она непрерывно принуждает купца приспособляться к чужим нравам и обычаям, правильно выбирать место и средства. Важное средство рационализации мышления представляет знание многих языков, которое также с необходимостью вытекает из международной торговли» [16, с. 331].

Заключение.

Таким образом, именно культурная и коммуникационная глобализация создают основу для формирования глобальности в других сферах – от экономики до политики. Однако следует учитывать онтологическую разнородность этих компонентов: коммуникация включает в себя технические средства и технологии передачи информации, в то время как культура в социологическом понимании представляет собой совокупность ценностей, норм, символических систем и моделей поведения.

Для более глубокого осмысления культурной природы глобализации необходим анализ того, каким образом коммуникационные и технологические процессы трансформируют содержание глобальной культуры, каковы границы этого универсального культурного пространства, и в какой мере, различные социальные группы и слои населения включаются в него. Особое значение приобретают вопросы неравномерного доступа к глобальным каналам коммуникации и асимметрий в культурном влиянии, что требует дальнейшего социологического изучения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Friedman Th. *Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree.*-N.Y., 2000.

2. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001. 346 с.
 3. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: Инфра-М., 2003. 766 с.
 4. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Журнал Социология. №1. 2004. С. 79-84.
 5. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. Изд-во «Рефл-бук»; Изд-во «Ваклер», 2002. 480 с.
 6. Мировая политика: проблемы теоретической идентификации в современном развитии. Ежегодник 2005. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. 504 с.
 7. Федотова В.Г. Глобализация и модернизация // Глобалистика. Энциклопедия. М.: Радуга, 2003.
 8. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс, 2005. 544 с.
 9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. №3. 1989.
 10. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего // Пер. И.О. Тюриной. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.
 11. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с немец. А. Григорьева и В.Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
 12. Гидденс Э. Социология // Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Едиторал УРСС, 2005. 632 с.
 13. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992.
 14. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
 15. Штихве Р. К генезису мирового общества – инновации и механизмы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. №3. 1999. С. 67-77.
 16. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / Перевод с нем. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.
- References:**
1. Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree.-N.Y., 2000.
 2. Yakovets Yu.V. Globalization and interaction of civilizations. M.: Economics, 2001. 346 p.
 3. Delyagin M.G. The world crisis. General theory of globalization. M.: Infra-M., 2003. 766 p.
 4. Dmitriev A.V. Conflictogenicity of migration: a global aspect // Journal of Sociology. №1. 2004. Pp. 79-84.
 5. Udovik S.L. Globalization: semiotic approaches. Publishing house "Refl-beech"; "Vakler" Publishing House, 2002. 480 p.
 6. World politics: problems of theoretical identification in modern development. Yearbook 2005. M.: "The Russian Political Encyclopedia", 2006. 504 p.
 7. Fedotova V.G. Globalization and modernization // Globalistics. Encyclopedia. M.: The Rainbow, 2003.
 8. Fedotova V.G. Good society. M.: Progress, 2005. 544 p.
 9. Ortega y Gasset X. Revolt of the masses // Questions of philosophy. No. 3. 1989.
 10. McLuhan M. Guttenberg's Galaxy: The Formation of the Man of the Printer, Per. AND ABOUT. Tyurina. M.: Academic project: The Mir Foundation, 2005. 496 p.
 11. Beck W. What is globalization? / Transl. with the German. A. Grigoriev and V. Sedelnik. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 304 p.
 12. Giddens E. Sociology, Per. with English. Ed. The 2 nd. M.: Editors URSS, 2005. 632 p.
 13. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992.
 14. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. St. Petersburg. : University book, 2001. 416 p.
 15. Shtikhva R. To the genesis of the world society - innovations and mechanisms // Journal of Sociology and Social Anthropology. T. II. No. 3. 1999. Pp. 67-77.
 16. Sombart V. The Bourgeois. Jews and economic life / Translation from German. M.: Iris Press, 2004. 624 p.

Информация об авторах:

Тужба Эмир Нодариевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», emirtu@yandex.ru

Пупкова Юлия Валентиновна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, pupjul@mail.ru

Emir N. Tuzhba, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University.

Yulia V. Pupkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.